

Вот уже которую неделю мне снится странный сон. Я бегу, словно между деревьев в старом парке, чьи смазанные силуэты похожи на столбы, пролетающие мимо окон электрички. Я бегу за другим силуэтом, едва заметным в этом пиршестве серого цвета, ускользающим и едва различимым. Смутно вижу свои руки, порезанные до крови ветками кустарника, от которых я пытался закрыть свое лицо. Смутно понимаю, что кто-то впереди все дальше, все неуловимее. Я выбегаю с тропинки к железной дороге. Капилляры путей сплетаются где-то на линии горизонта в одно. А я снова догоняю. И весь этот сон – погоня. Погоня за чем-то несбыточным и неопределенным. Все заканчивается на старой платформе, где кажется уже не ходят поезда. Но та, которую я догоняю, оказывается в вагоне, а я смотрю на ее тонкую фигуру, облаченную в строгое черное пальто, полупрозрачные ладони, прижатые к стеклу тамбура. Но я всегда просыпаюсь, когда пытаюсь рассмотреть ее лицо...

Я встал с постели и посмотрел в окно. Ничем не примечательная осень... На земле – мокрые листья, в воздухе – мерзкая взвесь, насквозь прошивающая одежду. Ненавижу осень... Осень – это предательство. Предательство природы, предательство чувств, предательство любимого человека. Ведь это так просто – вдруг, ни с того, ни с сего, сказать: «Я тебя больше не люблю». Открыв форточку, я вытащил сигареты. Щелчок, еще щелчок – зажигалка явно не собиралась работать. Но все-таки я оказался упорней, и по комнате тонкой лентой заструился сизоватый дымок. Чемоданы, моя верная свита в командировку в Вильнюс, были уже собраны, одежда приготовлена еще с вечера.

Вокзал в Москве встретил меня холодными иглами дождя, прокалывавшими воротник и забиравшимися за шиворот. На платформе ко мне обратился странный низенький дядька в белом пальто:

– А вы не подскажете, сколько сейчас время?

– Полдвенадцатого.

Он сверился с изумительными позолоченными часами на цепочке, удивленно вскинул брови и воскликнул:

– Да я же опаздываю! – схватил свою клетчатую сумку на колесиках и стремительно умчался прочь.

Мне оставалось только пожать плечами: чего не случается только на свете. Вопреки моим ожиданиям, купе было с попутчиками. Странного вида сорокалетний мужчина со странной же шляпой на голове, паренек с косым разрезом глаз и дремлющая невзрачная тетушка.

– Не хотите ли чаю? У нас отличный чай! Цейлонский, со слоном! – увидев меня, заторопился мужчина, – а еще есть курочка! Мария Никитишна готовила! – восклицал попутчик, указывая на Марию Никитишну этой самой курочкой. – А сахар? У вас есть сахар?

Я отрицательно покачал головой и вышел из купе. И мне еще с ними ехать... Вот невезение. В тамбуре курила пожилая леди лет шестидесяти. Курила она со вкусом

сигарету на длинном мундштуке. Увидев меня, она расплылась в улыбке, отчего морщинки игриво разбежались по ее лицу.

– Какой милый молодой человек едет в этом вагоне.

– Здравствуйте... Ну вы прямо шокируете и смущаете меня...

– А что тут такого? Разве пожилая пани не может сделать комплимент? Хотя, это смотря с какой стороны посмотреть... С какой стороны... – старушка задумчиво наклонила голову,

– Молодой человек, вы никогда не задумывались о том, как было бы весело стать совсем маленьким, размером со спичечную головку? – ее лицо приняло заговорщицкое выражение, – скажем, есть некий волшебный батон. Если откусить с одной его стороны, то уменьшишься, а если с другой – вырастешь! Это было бы занятно, не правда ли?

Я задумчиво кивал. На какое-то время я действительно представил, что уменьшаюсь.

Стены тамбура резко вздымались вверх, подобно горным пикам. Моя собеседница исчезла где-то сверху, а по плинтусу пробежал таракан, которого я вполне мог бы оседлать... Пока я размышлял, моя собеседница куда-то ушла, а на ее месте словно из ниоткуда проявился полный мужчина с шикарнейшими усами, обрисовывавшими настолько же шикарнейшую улыбку. Иногда казалось, что он из одной ее и состоит. Он молча улыбнулся и жестом попросил сигарету. Я поделился. Почему бы и нет? Вот когда школьники «стреляют» сигареты, это бесит. Он смачно затянулся и пробасил:

– От самой Москвы не курил. Надо же было забыть сигареты купить. – Тут он снова широко улыбнулся. – Человек, да ты же спишь...

Я проснулся в одиночестве в своем купе. Ни малейшего следа попутчиков, ни малейшего следа, что со мной вообще кто-то ехал. Я выглянул в тамбур. И тут никого. Странно. Фантомные воспоминания? Галлюцинации?

Когда командировка закончилась, у меня оставалось пара дней, и я решил съездить в пригород, отдохнуть от городской суеты. Выбрав случайное направление, я сел на первую попавшуюся электричку и, проехав примерно час, вышел на случайной станции. Кроме меня на станции, окруженной лесом, никого не было кроме... Кроме таинственной незнакомки из снов, стоявшей на другом краю платформы. Я окрикнул ее. Обрамленное густыми темными кудрями лицо на секунду повернулось ко мне, но тут же девушка отшатнулась, словно испугавшись и бросилась прочь.

– Подождите! Подождите! Вы мне снитесь! Каждую ночь! Постойте! – кричал я, сбивая дыхание. Девушка бежала по каким-то только ей ведомым тропкам, когда как я отчаянно продирался сквозь кусты, которые казалось, окружают меня. Откуда ни возьмись, вокруг начал опускаться густой туман. Контуры деревьев стали расплываться, а силуэт впереди стал едва виден. Погоня, будто во сне. Или это и есть сон? Что здесь сон, а что – явь? Где граница?

– Границы делают человека ограниченным... – раздался женский голос где-то надо мной.

– А грани делают его менее размытым. Ограничь себя парой граней – и по крайней мере твой силуэт в этом тумане будет чётко.

Я обернулся. Сзади меня из ниоткуда появился большой гриб, на котором, болтая сухонькими ножками в полосатых чулках сидела пожилая пани. Она, посмеиваясь, курила свою сигарету, дымом от нее застилая все вокруг.

– Если хочешь стать более заметным – тебе нужно обойти гриб слева, если хочешь стать менее заметным – обойти справа. Но вне зависимости от итога, гриб-то один! И значит, что действия противоположной направленности достигаются одинаковыми методами. Но, впрочем, ты куда-то спешил.

Мимо меня пронесся клетчатый чемодан на колесиках, из которого доносилось: «Я опаздываю! Опаздываю». Не видя другого выхода, я поспешил за ним, тропинка завернула, и я увидел платформу, с которой начинал свой путь. На ней стоял я и та девушка, стояли мы на разных концах станции, и поезд уже подходил. И я снова успел увидеть только силуэт и тонкий фарфор ее рук за закрытую дверь.

Могу ли я сказать, где я провел следующий день? Наверяд ли. Смутно вспоминаю о каком-то безумнейшем чаепитии. Троица «попутчиков» каким-то образом меня нашла, зазвала в гости, тщательно меня отпаивала чаем, потом чем-то более крепким, я даже помню, как танцевал вальс-бостон с Марией Никитишной. Еще там присутствовала курочка, но почему-то как гость. Хотя мы все равно потом ее съели...

В день перед отъездом я лежал на кровати в своем гостиничном номере и пытался понять, что из происходившего со мной в эти дни было правдой, а что нет. Существует ли на самом деле эта девушка, или это просто образ, созданный моим подсознанием из обрывков реклам, жестов знакомых и кадров из кино? Заходил сосед – тот самый улыбчивый усач из тамбура, интересовался здоровьем. Хотел было отчитать меня за бледный вид, да передумал. Досадливо кряхтнул, ушел к себе в номер и вернулся уже с бутылочкой красного вина. Оно вернуло мне немного цвет, но не настроение.

– Слушай, сосед, – пробасил усатый, – вижу я, что у тебя на сердце что-то беспокоит. Бабы, что ли? Да ну их всех! Одна бросила – другую найдешь.

– Нет, меня последнее время гложет мысль, что что-то в последнее время появляется ненастоящее в жизни.

Тут усач хлопнул меня по плечу и сказал:

– Выброси все это из головы. Вот я же живу во сне, и очень долгий период, я замечу. И все ж хорошо! И незачем тебе внимание на этом заострять. Сейчас не обращай внимания, но на всякий случай будь осторожней, потому что дальше будет только сложнее... – Он широко улыбнулся и начал медленно таять в воздухе...

Вместо эпилога.

Гражданин Москвы, Дмитриенко Олег Николаевич. После сильного стресса, связанного с уходом девушки, упал в обморок. В сознание не приходил. При обследовании была замечена большая активность долей головного мозга.